

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 2(27)/2021

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАНЬШИНА Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филол.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

Л. А. Юзефович

ИЗВЛЧЕННЫЕ ИЗ НЕБЫТИЯ. КНИГА О КОМАНДАРМАХ-ИЗМЕННИКАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Рец.: Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим, 2020

Известный русский писатель, признанный мастер исторической прозы делится своим мнением о книге, в которой представлены биографии ряда военачальников, оставивших своеобразный и неоднозначный след в истории Гражданской войны в России.

Ключевые слова: история Гражданской войны в России, Красная армия, Белое движение, генералитет и офицерский корпус России, военное предательство как исторический феномен.

Сведения об авторе: Юзефович Леонид Абрамович, кандидат исторических наук, писатель, сценарист, историк (Москва).

Контактная информация: youzef_l_a@mail.ru.

L. A. Yuzefovich

EXTRACTED FROM NOTHINGNESS. A BOOK ABOUT THE TRAITOROUS COMMANDERS OF THE CIVIL WAR

Rev.: Ganin A. V. Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoi armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody Grazhdanskoj voiny v Rossii 1917–1922 gg. Moscow: Piatyi Rim, 2020.

A well-known Russian writer, a recognized master of historical prose, shares his opinion on the book, which presents the biographies of a number of military leaders who left a peculiar and ambiguous mark in the history of the civil war in Russia.

Key words: history of the Civil war in Russia, Red Army, White movement, generals and officer corps of Russia, military betrayal as a historical phenomenon.

© Л. А. Юзефович, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-345-350

* Сокращенную версию рецензии см. на сайте «Горький. Медиа». <https://gorky.media/reviews/izmena-kak-sudba-komandarmy-perebezchiki-v-gody-grazhdanskoj-voiny/>.

About the author: Yuzefovich Leonid A., candidate of historical sciences, writer, screenwriter, historian (Moscow).

Contact information: youzef_l_a@mail.ru.

Первая книга Андрея Ганина вышла в 2004 г. и была посвящена одному из видных колчаковских генералов, «черногорцу на русской службе» Андрею Бакичу. Для молодого историка естественно сочувствие побежденным, но не сдавшимся, сражавшимся до конца, однако позднее приходит понимание, что проиграли они отнюдь не в силу нравственного превосходства над победителями или какой-то особой разборчивости в средствах. Начав как исследователь Белого движения на Южном Урале, в Оренбуржье, со временем Ганин расширил круг своих интересов и, отчасти под давлением им же воскрешенной реальности, не позволившей ему оставаться на прежних позициях, превратился в одного из самых значительных и объективных исследователей Гражданской войны. Свидетельство тому — его новая книга.

Слово «измена» в ее заглавии кажется спорным. Можно ли в условиях Гражданской войны назвать изменником подполковника-эсера Федора Махина, в полном согласии со своими убеждениями перешедшего из Красной армии не к белым, а в Народную армию эсеров-меньшевистского КОМУЧа? Или полковника (впоследствии генерала) Бориса Богословского, который вынужден был принять командование красной 3-й армией Восточного фронта, но до перехода к Колчаку пробыл в этой должности всего один день?

«При обсуждении материалов книги, — признает автор, — не раз возни-

кали вопросы относительно допустимости применения понятий “измена” и “предательство” к Гражданской войне, причем отмечалось, что это эмоционально окрашенные, оценочные понятия». Ганин приводит словарное значение этого понятия и подчеркивает, что речь идет «не об измене Родине, а об измене тому или иному политическому режиму, которому обязались служить герои книги», но такое объяснение не совсем убедительно. Язык нам не подвластен; независимо от намерений автора слово «измена» предполагает осуждение тех, кто ее совершил, каковы бы ни были их мотивы, однако никакого другого, столь же яркого и способного заменить его на обложке книги, в русском языке просто нет. Вместо него можно употребить разве что вялые словесные конструкции. Соединение несочетаемых вроде бы, если забыть о генералах Власове и Дюмурье, понятий «измена» и «командармы» вызывает интерес своей провокативностью, да и фонетика перекликающихся слогов «мен» и «ман» несет мощный энергетический заряд. Его тревожащая неоднозначность прекрасно передает дух времени.

Автор подробно излагает причины, побудившие его обратиться к этому сюжету: «Советские историки оказались лишены возможности полноценной и объективной разработки темы измен командного состава. Освещение ранней истории Красной армии находилось под жестким партийным идеологическим контролем (до смер-

ти И.В. Сталина эти сюжеты прямо фальсифицировались). Множество исторических деятелей советского лагеря, начиная с председателя РВСР Л.Д. Троцкого, были вычеркнуты из истории и объявлены “врагами народа”. Их имена нежелательно было даже упоминать, а положительные оценки считались недопустимыми. Об объективном изучении действий тех, кого считали предателями даже до массовых репрессий 1930-х гг., не приходилось и помышлять... В советской историографии длительное время под негласным запретом находилась даже проблематика участия добросовестных военных специалистов в строительстве Красной армии, не говоря о деятельности (тем более созидательной) перебежчиков и предателей. О высокопоставленных изменниках или не упоминали вовсе, или же их служба характеризовалась искажавшими действительность пропагандистскими штампами, а в некоторых случаях заурядными оскорблениями». Между тем, продолжает Ганин, «счет шел на тысячи, если не на десятки тысяч офицеров, перебежавших из одного лагеря в другой»; это «меняет некоторые базовые представления о Гражданской войне — например, стереотип незыблемости противоборствующих лагерей».

Реконструировать ткань прошлого Ганину позволило погружение в архивные коллекции, нередко труднодоступные для исследователей. Охват впечатляет. Основу работы составили документы шестнадцати архивов России, Армении, Латвии, Сербии, США, Украины, Чехии.

Самые ценные материалы удалось найти как в российских архивах, так

и в архивах США, где сохраняется наследие русской эмиграции. Например, в Музее русской культуры в Сан-Франциско автор обнаружил важнейший исторический источник — прежде неизвестные воспоминания красного командарма Николая Всеволодова, бежавшего к белым.

Ганин тщательно реконструирует конкретные фронтовые ситуации с участием его героев-перебежчиков, но при чтении невозможно не почувствовать не только прагматическую или идейную, но и экзистенциальную подоплеку их решений. Двоемыслие, жизнь под маской, роковые мгновения на судьбоносном перепутье, когда любой выбор в итоге оказывается роковым, — все это ближе к тому, чем занимается литература, а не историческая наука. Не заигрывая с читателем, не скатываясь в публицистику и не забывая о своей основной задаче, автор «Измены командармов» позволяет нам постоять на тех развилках судеб и проникнуть в те потаенные движения человеческой души, до которых никогда не добираются политически ангажированные исследователи.

Из 120 командующих красными армиями и фронтами советской власти изменили всего восемь, из них только четверо окончили Академию Генерального штаба, т.е. имели высшее военное образование: Федор Махин, Борис Богословский, Николай Всеволодов и Николай Жданов. Они и стали главными героями книги. В трех случаях очерки о них дополнены архивными документами, но раздел о Богословском такого приложения не имеет. Ганин не сумел получить в Омском архиве

ФСБ его следственное дело, поскольку Богословский не реабилитирован. Отказ в реабилитации мотивируется тем, что генералом «принимались решения, направленные на поддержку и существование сформированного Колчаком политического режима, характеризовавшегося массовыми репрессиями, истреблением мирного населения, свержением действующих легитимных органов власти, т. е. связанные с совершением преступлений против мира, человечности, правосудия и государства».

У себя на странице в «Фейсбуке», напомнив, что в России на государственном уровне отданы воинские почести лидерам белых, что в Москве перезахоронены останки Антона Деникина и Владимира Каппеля, Ганин следующим образом прокомментировал решение суда: «Это говорится отнюдь не о фигурантах Нюрнбергского процесса, как можно было бы подумать при упоминании “преступлений против мира и человечности”, а об офицере русской армии, завершившем свой жизненный путь более ста лет назад (Богословский к тому же был штабистом). Такое обвинение, по существу, бросает тень на все патриотическое офицерство, пошедшее в Белое движение. Репрессивные формулировки эпохи Гражданской войны в настоящее время выглядят анахронизмом».

Герои книги — «изменники», тем не менее двое из них вызывают нашу безусловную симпатию. Ганин не скрывает склонность Богословского к штабным интригам, но конец этого человека отбросил трагический ответ на его предшествующую жизнь. В декабре 1919 г., при

отступлении остатков колчаковских войск на восток, Богословский, будучи начальником штаба у Каппеля, находился в его поезде. На станции Ачинск поезд был взорван подпольщиками. Каппель, бывший целью покушения, не пострадал, Богословский отделался царапинами от осколков вагонного стекла, но тяжелейшее ранение получила его жена, Мария Иосифовна. Двигаться дальше она не могла. Сознавая, что при пленении он, скорее всего, будет казнен, Богословский тем не менее остался с женой до прихода красных и заплатил за это жизнью — был расстрелян.

Не менее достойным человеком был Махин. Убежденный противник большевиков, в 1921 г. он из Эстонии руководил эсеровскими операциями в поддержку Кронштадтского восстания, а под конец жизни стал столь же непреклонным врагом фашизма, вступил в Коммунистическую партию Югославии, участвовал в партизанском движении. Помимо большого опыта руководства вооруженной борьбой, Махин был ценен еще и тем, что владел немецким, английским, французским, болгарским, чешским и сербохорватским языками; с его эрудицией он хорошо разбирался в военно-политической обстановке и при дефиците информации о ходе Второй мировой войны оказался востребованным в штабе Иосипа Броз Тито. Махин получил звание генерала югославской армии, но умер вскоре после победы, в июне 1945 г. Дополнительные эмоции вызывает эпилог этой яркой жизни: названная в честь Махина улица в Белграде была переименована в конце 1980-х «в связи со сменой государственной

политики», а его могила затерялась: «неоднократные попытки автора ее отыскать успехом не увенчались». По сути дела, Ганин извлек из небытия эту неординарную даже для того времени фигуру.

Сложнее со Всеволодовым. В биографическом очерке он предстает как беспринципный делец, коммерсант с полковничьими погонами, постоянно думающий о деньгах, ухитрившийся в революционном Петрограде завести гараж с несколькими автомобилями и зарабатывать «автоизвозом», а в Аргентине, где он позднее очутился, стать владельцем кондитерского магазина. Нашедшему его записки Ганину принадлежит честь открытия этого нового человеческого типа, ускользнувшего от внимания писавших о революции и Гражданской войне мемуаристов и литераторов. Всеволодов — персонаж малосимпатичный, но и этот офицер-предприниматель обретает привлекательные черты, когда начинаешь читать его собственные воспоминания, полностью опубликованные в книге. Они написаны так талантливо, с такими живыми портретами людей и деталями быта, что невольно меняется отношение к их автору. Вот, например, его рассказ о том, как весной 1918 г. он и его товарищи по несчастью коротали время в тюрьме Петроградской ЧК: «Мы стали заниматься гипнозом на расстоянии. Целью гипноза было заставить Урицкого приехать в тюрьму и нас освободить. Для успеха нужно было каждый день вечером, в один и тот же час, подходить к окну и делать заклинания. Став на табуретку, мы самым серьезным образом проделывали таинственные

пассы и жестикулировали, широко разводя и размахивая руками в сторону “Чека”. Каждый по-своему, как умел, внушал и приказывал Урицкому беспрекословно повиноваться нашей воле и немедленно прибыть в тюрьму. Все без исключения проделывали эту церемонию с самым сосредоточенным и серьезным видом... Если бы кто-либо случайно зашел к нам во время “сеанса”, то наверняка решил бы, что попал в сумасшедший дом, так усердно и с экстазом мы выполняли роль медиумов».

При том что Всеволодов не любит евреев, до лжи и клеветы он не опускается; член РВС Донского фронта, выпускник Сорбонны и будущий нарком финансов, большевик Григорий Сокольников (Бриллиант) вызывает у него уважение, если не восхищение: «Сокольников обладал удивительной, непреклонной силой воли и непоколебимостью. Бывали очень рискованные и тяжелые моменты на фронте, но они его несколько не смущали. Он был всегда спокоен и самоуверен. Свое внутреннее, душевное состояние не выдавал ни единым словом, ни жестом. В военной обстановке разбирался очень хорошо, можно сказать — как офицер Генерального штаба. Я поражаюсь богатству его познаний в военном деле».

«Высокопоставленные изменники, — завершая книгу о них, резюмирует автор, — в большинстве были лично храбрыми офицерами старой армии... Это и неудивительно — измена в условиях Гражданской войны требует решимости и мужества в силу непредсказуемости последствий». И далее: «Подлинная история всегда

сложнее и многообразнее любых идеологических схем и клише. В полной мере такое наблюдение относится и к героям этой книги... Все они интересны и в смысле их участия в Гражданской войне, и в плане персонального опыта, поведения, жизненных исканий. Даже самый далекий из них от фронтового героизма, Всеволодов, стремившийся к личному благополучию и, видимо, избегавший передовой, при глубоком погружении в детали его жизненного пути оказывается интересен».

Новаторская по замыслу, основанная на огромном круге архивных материалов книга Ганина дает нам бесценное ощущение близости к описываемым в ней людям и событиям. А еще — сознание, что на дистанции в столетие победа и поражение перестают быть чем-то абсолютно проти-

воположным друг другу, становятся лишь разными личинами одной сущности. Их двуединство автор «Измены командармов» чувствует, может быть, острее, чем многие.

Художник Саврасов наставлял учеников, рисовавших у него в классе обнаженного натурщика: «Пяточку ему малюете, а смотрите в лицо». Кажется, Андрей Ганин держал в памяти эту универсальную рекомендацию. Выбранные им для реконструкции частные эпизоды раннесоветской военной истории проработаны тонкой кистью, способной передать мельчайшие детали фактуры, но освещены под таким углом, что предстают как нервные узлы более широкой исторической реальности — той, которая никак не может окончательно уйти в прошлое.